

МЕЖДУ ФУТУРИЗМОМ И СОЦРЕАЛИЗМОМ (ТВОРЧЕСТВО Т. ЧУРИЛИНА В 1920 – 40-Х ГОДАХ)

© 2011 Д.Д.Безносков

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Статья поступила в редакцию 04.02.2011

В статье рассматриваются особенности развития поэтической манеры Тихона Васильевича Чурилина (1885 – 1946) в 1920 – 40 гг. Результаты проведенного краткого анализа говорят, о том, что поэтическая манера Тихона Чурилина проделала эволюционный путь от символизма к упрощенной эстетике советской эпохи, с ее доступностью и дидактикой, причем на ее позднем этапе заметны некоторые мотивы первых поэтических книг

Ключевые слова: поэтическая манера, неологизмы, стихотворная техника, футуризм, элементы экспрессионизма, эстетика советской эпохи.

После выхода в свет первой поэтической книги «Весна после смерти», обратившей на себя внимание критики¹, творческая манера Т.Чурилина претерпит заметные изменения к 1918 году, когда выйдет «Вторая книга стихов»², написанная под сильным влиянием поэтики В.Хлебникова и отчасти Г.Петникова, с которым Тихон Васильевич познакомился годом раньше. Наличие футуристических элементов в творчестве Т.Чурилина отметил уже Е.Ланн: «Стихия Чурилина – слово, настигнутое поэтом в минуту, когда оно плавилось в глубине сознания, – нет знакомых суффиксов и флексий, вылучено ядро слова и вылученным предстало оно, либо неизвестные нами суффиксы обросли корень, оттеняя резче образ, в нем заключенный»³.

Книга состоит из 14-ти стихов. В них господствуют в основном те же мотивы, что и в «Весне после смерти» (смерти, воскрешения); кое-где присутствует и экспрессионистская стилистика (например, «Вывозка воза»⁴). Но при этом в стихотворениях особенно заметно влияние футуризма. Таким образом, в своих стихах Т.Чурилин 1918 года, обращаясь к той или иной стилистике (экспрессионистической или футуристической), соединяет мотивную структуру, общую для всего русского модернизма (прежде всего, символистских мотивов), с ху-

дожественными приемами, характерными для русского футуризма. Причем влияние футуризма в стихах Т.Чурилина заметно, прежде всего, в его стихотворной технике, в лексическом новаторстве. Например, в стихотворении «Музыка на Пасху»⁵ мы видим характерное для В.Хлебникова образование отглагольного субстантива: «А пело безпрерывь рокотань-рокотунь, / А тело белое безпрерывь гремело». В стихотворении «Войдем в онь» неологизм появляется уже в заглавии. Также мы находим некоторые неологизмы в других стихотворениях сборника: «цветень нецветый» («Абиссинская Синь-сыне»), «жужжж» («Войдем в онь»), «родяльник» («Родимчик от дива») и т.д. По своей природе неологизмы «Второй книги» близки неологизмам В.Хлебникова, у которого чаще всего смысл образованного слова заложен в его корне (например, «усмеяльно», «смеянствовать», «надсмеяльный» и проч. из стихотворения «Заклятие смехом»⁶). Также во «Второй книге стихов» Тихон Чурилин часто обращается к аллитерации: «И блеск лесный по лику плетью» («Льву-Барс»), «Граде, дар радости радоницы!» («Оутешь исцелительная»), «Пролил свой лед и долю долил» («Абиссинская Синь-Сыне»); кое-где присутствуют тавтограммы: «И заныло, заскрипело, запело» («Вывозка воза»).

Р.Якобсон отмечает, что «излюбленным мотивом поэзии Хлебникова является метаморфоза»⁷, которая понимается им как «реализация

⁰ Безносков Денис Дмитриевич, соискатель.
E-mail: iozef_k@mail.ru

¹ См. нашу статью: «Главная книга Тихона Чурилина (Весна после смерти)» // Известия Самарского научного центра РАН. – 2011. – Том 13. – № 2. – С.132 – 135.

² Чурилин Т. Вторая книга стихов. – М.: 1918.

³ Ланн Е. Тихон Чурилин. Вторая книга стихов // Камена (Харьков). – 1919. Кн.2. – С.29 – 30.

⁴ Чурилин Т. Вторая книга стихов. – М.: 1918. – С. 11.

⁵ Там же. – С. 6.

⁶ Хлебников В. Творения. – М.: 1987. – С.54.

⁷ Якобсон Р.О. Новейшая русская поэзия. набросок первый: Подступы к Хлебникову. – Прага: 1921; *Перевод: Jakobson R. Selected Writings. The Hague; Paris; New York: Mouton, 1979. – Vol. V. – P. 299 – 354; В*

словесного построения; обычно эта реализация-развертывание во времени обращенного параллелизма (в частности, антитезы). Если отрицательный параллелизм отвергает ряд метафорический во имя ряда реального, то обращенный параллелизм отрицает реальный ряд во имя ряда метафорического»⁸. Примеры реализации отрицательного и обращенного параллелизмов можно обнаружить в ряде стихотворений из «Второй книги», например «Медноденной...»⁹. Лирический герой называет себя «льнецом» и противопоставляет себя «царю» («*Льнец я, чтец, – не царь – / В роде ведь*»). Далее в стихотворении разворачивается метафора («*Веду, в езд въезжая, джар, / Вижу: истов, востр царь – / Ей муж*»). Так лирический герой не отождествлен с «царем», однако разворачивающаяся метафора есть отражение внутренних переживаний героя, т.е. ряд метафорический отвергается рядом реальным.

В стихотворении «Сожжено! Сожжено! женой...»¹⁰ реализуется обращенный параллелизм. В первой строфе стихотворения появляется Ной, который во второй строфе отождествляется с лирическим героем. Он стремится к луне: «*Луну! Луну! Внутри / Которой соромные пятна! / Огонь нагой! Утри / Слезы, которые кропят янтарь*». Затем, обращаясь к луне в третьей строфе, лирический герой называет ее сначала «водой», а в следующей строке «вода» становится «женой сожженным телом». В последних строках стихотворения лирический герой опять обособляется от Ноя и уже говорит о нем в третьем лице: «*А вдова ли, Ева ли – воотдать / Вину и огню Ноя те!*». В стихотворении присутствуют сразу две цепи метаморфоз: луна – вода – сожженное тело и Ной – лирический герой (сращение) – Ной; обе цепочки – могут трактоваться как обращенный параллелизм, т.к. изначальный реальный ряд отвергнут рядом метафорическим (причем во второй цепочке следом происходит обратная метаморфоза).

Интересной чертой стихотворений «Второй книги» Т.Чурилина является наличие в них эсхатологических мотивов, близких как символизму, так и футуризму; при этом стихотворения выполнены в основном в экспрессионистической стилистике («*Орган – хору*», «*Вывозка воза*» и т.д.). Например, эсхатологические мотивы заметны в стихотворениях «*Орган – хору*»¹¹ («*Саваны шейте, шеи готовь, / Топоты*

в тину вдавите. / Это новь/ Дети, вдовицы», и далее «*Готовьте, готовьте святой засов / Чтоб друга и другу не слопать*»), «*Вывозка воза*»¹² («*Воз, как кости там черные города. / А дороги, радогой родимец: грязязны. / А людищици! рогаты, грооозны*») и далее: «*И воз – и возец – и кости-города: – до горы – да гори!!!*»), выполненных в экспрессионистической стилистике. В стихотворении «*Орган – хору*» проводится также метафорическая параллель «*народ/орган*», в связи с чем поэт обращается к гиперболе («*Ора, народ, органный лад – гармоник гой исчах. / Вой и вой и ваи – ора, ора, ора!!!*»). Гиперболы, характерные как для футуризма, так и для символизма, присутствуют также в стихотворениях «*Абиссинская Синь Сыне*», «*Пустыня*», «*Вывозка воза*».

Элементы экспрессионизма мы замечаем и в стихотворении «*Бегство в туман*»¹³, где тоже звучат символистские мотивы мора, болезни, смерти. Поэт обращается к метафоре жаражора: «*Жолтой жор, / Рож ожига – / Золы золотые – жар, / Ой, живо – гась!!!*»; где также образы жара и жары сочетаются в гротескном описании пира («*Саго, сало, село – в брюхо!! / Кровь хлещи в щи, в квас...*»). Далее поэт строит описание в экспрессионистском ключе: «*Саго страшное – сукровицы густки. / Сало смрадное – с трупной утки. / Село смертельное – гниющее сутки – / Ух, кинь, ух кинь все во весь скак!!*». Экспрессионистические элементы заметны также в некоторых других стихотворениях сборника («*Войдем в онь*», «*Вывозка воза*» и др.).

В стихотворениях этого года, не вошедших в сборник, мы также замечаем строки, написанные в близкой к хлебниковской манере. Так, например, в стихотворении «*Моцарт и пила*»¹⁴, написанном в 1920 году, отчетливо заметна звукопись, присущая стихотворениям «*Второй книги стихов*»: «*И ласково оскаливая пыл, / Пила воздушную пыль пила. / И лай ласковый стали пел*». В других стихотворениях заметно влияние символизма, которое, правда, сопряжено с футуристическими приемами. Таким стихотворением является «*Смерть от свадьбы*»¹⁵:

*У фонтана старого с алою стаей
Металась, металась – кричала рыско.
И в белом небе буря свистала ей –
Пицала, старая как пицаль крыска –*

– Осссе – сс – тановитессссь....

сокращ.: *Якобсон Р.* Работы по поэтике. – М.: 1987. – С. 278.

⁸ Там же. – С.279.

⁹ *Чурилин Т.* Вторая книга стихов. – М.: 1918. – С.8.

¹⁰ Там же. – С.10.

¹¹ Там же. – С.13.

¹² Там же. – С.11.

¹³ Там же. – С.12.

¹⁴ Футурум Арт. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.futurum-art.ru> (Дата обращения 17.03.2010).

¹⁵ РНБ. Ф. 1294. Ед.хр.15. – Л. 128.

– Котие тик...
Но резкой рысью, и вниз и ввысь,
Билась борзая о смертный тот миг.

И к утру грустная журчь воды,
Сквозь копия тик, балладу беды
Бурливо, внемливо, ручьем ручей
В четком и чистом чале речет.

Как и во многих стихотворениях «Весны после смерти», здесь описывается смерть героя. Но мы видим, как меняется сама манера изображения смерти. Здесь появляются неологизмы: «рыско», «журчь», «внемливо», «бурливо», «речет»; а также характерная для второго этапа творчества поэта тавтограммическая аллитерация: «В четком и чистом чале речет». Так, в стихотворении соединяются характерные для символизма мотивы (смерти, крика) с футуристической эстетикой. Таким же образом, соединяя в одном стихотворении элементы экспрессионистской стилистики (близкой стихам четвертого раздела «Весны после смерти» – стилистику изображения смерти) с некоторыми футуристическими приемами, Тихон Чурилин пишет и многие другие стихотворения этого периода («Песни о псах. Смертные псы», «Невероятная весна», «Посмертье», «Ождань дождя»¹⁶ и проч.).

«Внутри русского футуризма... – пишет В.Терехина, – главенствовали две тенденции – романтическая (содержательная, экспрессивная) и конструктивная (заумная, беспредметная, утилитарная)»¹⁷. В стихотворениях «Второй книги» Т.Чурилин соединяет эти две тенденции, наряду с экспрессивной образностью возникают футуристические неологизмы, заумь, аллитерация и т.д. Поэтому можно предположить, что влияние футуризма становится основным (приемы и лексика большинства стихотворений).

В 1920-е годы Тихон Чурилин почти не пишет стихов. Он занимается написанием статей, создает пьесу «Здорово, Цезари!»¹⁸. Поэтому следующим важным этапом в эволюции творческой манеры поэта можно считать выход сборника «Песни Т.Чурилина»¹⁹ (1932). Собственно, стихотворные тексты 1930 – 1932 гг. были собраны поэтом в книгу «Жар-жизнь»²⁰, но она

издана не была²¹. Книга должна была противопоставляться «Весне после смерти», первоначальный вариант названия был «Да, это жизнь!» и был подсказан А.Цветаевой. Уже в заглавии сборника Т.Чурилин обращается к метафоре жара-жары, присутствовавшей в его творчестве и ранее («Бегство в туман»). Но на том этапе она была связана с мотивами болезни и смерти, а здесь ключевая метафора стихотворений интерпретируется автором следующим образом: «Жар – жизнь – это не жар болезни, инфекции, а ЖАР калорийный. Калории дают тепло. Тепло держит – тело. Тело вмещает и выдает жар-жизнь»²².

В стихотворениях этого периода заметно влияние фольклора. Например, в своей «Песни об очереди» (1932), поэт пишет о советской действительности так: «И за водкой черёд / И за хлеб-б-бушкой! / Эzza печенъем, стоя, мрёт, / За вареньем, с сушкой!»²³. В этот же период Тихон Чурилин пишет «Оду прошедшему человеку»²⁴, близкую поэтике ОБЭРИУ, в частности, Д.Хармса («Из дома вышел человек»). Здесь звучит часто встречающийся в творчестве ОБЭРИУтов мотив исчезновения («Я прошедший человек. / Я бродящий человек. / Я хотящий человек»). Стихотворение Т.Чурилин посвятил «памяти исчезающего птеродактиля» и указал период этого исчезновения «от Р.Х. 1600 – 1917 гг.», что также можно соотнести с абсурдистскими приемами ОБЭРИУтов.

Вышедшая в 1940 году книга стихов²⁵ в некотором роде подвела итог творчеству второй половины 1930-х гг. В книгу включено также четыре стихотворения из «Весны после смерти», так как третья книга стихов задумывалась как избранное. Стихотворения, составившие книгу 1940-го года, сильно отличаются от того, что писал Тихон Чурилин в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Все больше здесь заметен мотив восславления жизни²⁶. Стилистика сти-

¹⁶ Там же. Л. 126 – 130; 144 – 145.

¹⁷ Терехина В.Н. Экспрессионизм в русской литературе первой трети XX века: Генезис. Историко-культурный контекст. Поэтика. – М.: 2009. – С. 114.

¹⁸ РГАЛИ. Ф.1222. Оп.1. Ед.хр.36.

¹⁹ Асеев Н. Песни Т.Чурилина // Литературная газета. – 1932. – № 15 (184), 29 марта; Чурилин Т. Стихи и песни. ГИХЛ. – М.: 1932.

²⁰ РГАЛИ. Ф.1222. Оп. 1. Ед.хр. 4.

²¹ Чурилин Т.В. Встречи на моей дороге / Вступ. ст., публ. и комм. Н.Яковлевой // Лица: Биографический альманах. 10. – СПб.: 2004. – С. 444.

²² РГАЛИ. Ф.1222. Оп.1. Ед.хр.14. – Л.9.

²³ Футурум Арт. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.futurum-art.ru...>

²⁴ Там же.

²⁵ Стихи Тихона Чурилина. – М.: 1940.

²⁶ Йованович М. Взлет и падение поэта: К пятидесятилетию со дня смерти Тихона Чурилина // Русская мысль. – 1997. – № 4161, 13 – 19 февраля. – С.9. «Из мотивов «Весны после смерти» сохранилась лишь концепция любви-разлуки; тема смерти совсем исчезла, сменившись противоположной темой восславления жизни (ср. хотя бы оду «кремлевскому солнцу» в «Севере» и мотив «песни» – «снаряда» в «Зиме»), борьбы за жизнь, даже за личное здоровье; из «Второй книги сти-

хотворений в период конца 1930-х тоже претерпевает изменения. В третьей книге стихов нет словотворчества, образный строй стихотворений заметно упрощен по сравнению со стихами «Весны после смерти» и «Второй книги стихов».

Влияние «Весны после смерти» и стихотворений начала 1930-х годов, заметно лишь в некоторых текстах «Стихов 1940г.». Выбиваются из общей атмосферы сборника только «Песнь о Велимире» и т.н. «детские стихотворения»²⁷. Если «Песнь о Велимире» склоняется скорее к футуризму (что не удивительно), то некоторые детские стихотворения, испытавшие влияние поэтики советской эпохи, привносят нечто новое в творческую манеру Т.Чурилина (который ранее не писал стихотворений для детей). В стихотворении «Негритянская колыбельная»²⁸ страшная картина линчевания сопровождается рефреном звукоподражаний: «Э! Э! Э! Э! / ОЭ! ОЭ!». Со стихами «Весны после смерти» стихотворение связывает мотив смерти («Э! Жгли его, трещал костер. / Э! Не забыть мне до сих пор: / Кричал отец, а я рвалась... / ОЭ! ОЭ! – упала в грязь»²⁹). Большая часть стихотворения – это крик лирического героя, здесь присутствует также сгущение мотивов плача и крика («Забудься, дочка, под там-там. / ОЭ! Я – никогда!»).

По стихотворению 1935 года «По линии и по бокам бульвара...»³⁰ видно, какие новые для автора возникают мотивы в поздний период его творчества: например, мотив труда («И от усталости сам трактор закачался»). Говоря сначала о «черных жирных весною тротуарах» и «жирной земле», Тихон Чурилин создает описание советского будущего: «Сияет в севе родина родная! / И Кривонос на пароходе мчится, / С боков к нему всеобщий сев стучится».

В другом стихотворении (датированном уже 1937) «Непогода» Т.Чурилин заметно упрощает образный строй стихотворения и, рассуждая о

ненастье, делает не свойственные своему творчеству выводы: «Я жить хочу для счастья и на краю родного края. / Я не умру, пока тебя не повидая». Лирический герой воспекает «счастье родного края», противопоставляя его мотиву смерти. В стихотворении «Зима»³¹ мы читаем о советской стране: «Ей всего только 20 годков / В стуже светлых крепчайших подков!». В отличие от стихотворений первой книги, здесь воскрешение героя реализовано через примирение с окружающим миром. Можно сделать вывод, что кардинальные изменения в творческой манере Тихона Чурилина произошли как раз во второй половине 1930-х. Обращаясь теперь к поэтике советской эпохи, Т.Чурилин пытается приспособиться к окружающей его литературной ситуации.

После выхода последней книги Тихон Чурилин продолжает писать стихи³². В некоторых из них мы замечаем возвращение к мотивам «Второй книги стихов», в некоторой степени заметно влияние футуризма. Так, в стихотворении «Февраль в темноте»³³ 1940-го года поэт пишет: «Весною движется, как губы любви, / Весной колеблется, как воды теплоты. Здесь мы вновь встречаем мотив весны, который проходит через все творчество поэта.

Интересным для понимания творческой эволюции Тихона Чурилина является стихотворение «С растений, с балкона...»³⁴, написанное в 1944 году и посвященное «Григорию Петникову в последнюю память». Здесь мы встречаем образ теней, характерный для раннего творчества поэта, но практически отсутствовавший в его поздних стихотворениях. В стихотворении присутствует мотив пробуждения, характерный для «Весны после смерти» («ветер снаружи рвет летнюю думку души»), но в отличие от многих ранних стихотворений, где воскрешение лирического героя не могло осуществиться, это стихотворение заканчивается: «Но тьма не бумага, / Не злое разлучное с летом письмо, / И дышит сильно и шепчется громко губами, / Так громко, как теплая песня весны». Здесь лирический герой воскресает.

Таким образом, если в раннем творчестве Тихона Чурилина присутствовали ориентиры на символизм, а также элементы экспрессионизма, то затем, обратившись к словотворческим экспериментам, а также испытав влияние фольклора, Т.Чурилин приблизился к поэтике совет-

хов» остались одни следы установки на фольклорное начало и книжность, а также на звуковой эксперимент».

²⁷ На эту особенность этих текстов обратил внимание М.Иованович. (Взлет и падение поэта: К пятидесятилетию со дня смерти Тихона Чурилина // Русская мысль.... С.9.): «Бесспорно лучшей частью сборника являются девять стихотворений, которые воспринимаются как детские. Иные из них («Дождик-дождик», «Сказ о лесе», «Скверный день», «Отчего такой мороз?») суть поистине хрестоматийны, что Чурилина в свою очередь сближает с обэриутами, авторами стихов для детей». И далее: «Особняком в сборнике стоит стихотворение «Песнь о Велимире», написанное в 1935».

²⁸ Чурилин Т. Стихи // Русская поэзия серебряного века. – М.: 1993. – С.11.

²⁹ Там же. – С.12.

³⁰ Там же. – С.17.

³¹ Там же. – С.21.

³² Некоторые поздние стихи были опубликованы в кн.: Серебряный век в Крыму: взгляд из 21 столетия (вступ. ст., публ. О.В.Байбуртской) // Материалы Вторых Герцыковских чтений в г.Судаке 21 – 23 сентября 2001 года.

³³ Там же. – С.230 – 231.

³⁴ Там же. – С.234 – 235.

ской эпохи. Однако в своих стихах 1940-х годов поэт вновь обращается к некоторым мотивам, преобладавшим в его раннем творчестве, образам, присущим предыдущим книгам стихов. Творческая манера Тихона Чурилина про-

делала эволюционный путь от символизма к упрощенной эстетике советской эпохи, с ее доступностью и дидактикой, причем на ее позднем этапе вновь обнаруживаются некоторые мотивы первых поэтических книг.

BETWEEN FUTURISM AND SOCIALIST REALISM: TIKHON CHURILIN'S CREATIVE WORK IN 1920–1940

© 2011 D.D.Beznosov^o

Samara State Academy of Social Sciences and Humanities

The article explores the features of Tikhon Vasilievich Churilin's (1885–1946) poetic style in 1920-40's. The results of the analysis show that Tikhon Churilin's poetic manner has evolved from symbolism to the simplified aesthetics of the Soviet epoch, with its simplicity and didactics, though his late period reveals some motifs of the first poetic books.

Key words: poetic manner, neologisms, poetic technique, futurism, expressionistic elements, aesthetics of soviet epoch.

---

^o Denis Dmitrievich Beznosov, Post-graduate student.
E-mail: iozef_k@mail.ru